

The background of the cover is a traditional Chinese ink wash painting. It depicts a misty, mountainous landscape with several peaks. In the foreground, a large, gnarled tree with dark green branches and small red berries (possibly hawthorn) extends from the right side towards the center. The style is characteristic of traditional Chinese art, with fine lines and a soft, atmospheric quality.

Денис Игумнов

Охота на Иуду

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Александрович Игумнов

Охота на Иуду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72675874

SelfPub; 2025

Аннотация

На одном из участков фронта враг, предупреждая наше наступление, наносит контрудар, который грозит обернуться обвалом всей нашей обороны. Командование понимает, что такой массированный ущерб, при котором враг бил точно по расположению наших готовых к атаке войск, мог быть нанесён только при условии получении точных сведений непосредственно из штаба. В командном бункере, при участии армейской контрразведки, собирают командиров тех частей, которые были разгромлены, задача командующего – выяснить, кто оказался Иудой. Когда все главные действующие лица трагедии собрались в бункере, враг наносит ракетный удар – разрушены первые уровни бункера; все те, кто оказался внутри, оказываются замурованы обломками конструкций бункера. Противник, высадив десант, предпринимает попытку откопать бункер и взять в плен весь высший офицерский состав. Счёт идёт на минуты. Необходимо, как можно скорее, найти предателя и попытаться нанести ответный удар.

Содержание

1	4
2	11
3	14
4	18
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Денис Игумнов

Охота на Иуду

1

Снаряды стали рваться неожиданно. Сначала дали из гранатомётов – полек, у которых полёта мин-то не слышно, – а потом, что называется, из всех стволов. Зомбо прикрывал команду снайперов – два молодых, но уже опытных снайпера, имевших двузначные счета уничтоженных врагов, – был от них в сорока метрах, и если бы не знал, что они вон там оборудовали себе позицию, то никогда бы не подумал, что там кто-то есть. А вот враг не определил точно, не промазал, накрыл со второго выстрела. Первый снаряд разорвался в десяти метрах от наших снайперов, а вот уже второй их накрыл. Дальше Зомбо показалось, что вся лесополоса, в которой передовые части его бата сосредоточились перед атакой, взлетела на воздух, он не мог поднять головы, так и лежал лицом в землю все полчаса, пока их укры разматывали. Вернулся он к себе в укреп один.

Комбат Виктор Токарев сидел у себя в блиндаже за столом, курил, ещё раз просматривал данные разведки. Нет, всё было точно, разведчики не ошиблись. Тогда же как так получилось, что его бат – его железный батальон, прошедший

несчётное число сам ад, – понёс такие потери? В результате неудачной наступательной операции на южном участке фронта 80% батальона выведено из строя. Почти вся арта оказалась разбита, от штурмовых групп остались лишь жалкие клочки, группы их поддержки – команды снайперов и команды птурщиков – погибли, по позициям батальона был нанесён комбинированный удар высокоточными боеприпасами, которые легли точно по целям. Да и у соседей не лучше: на правом фланге Стрелков хоть и смог занять первую линию обороны противника, но откатился назад, потому как тоже понёс невосполнимые потери; на левом фланге бат лишился командира, комбата Бирюкова убило – в его штаб угодила ракета Химаря, ну и остальным его бойцам досталось. Короче, произошла локальная катастрофа. Теперь ни о каком взятии городка Гурьяново не шло и речи, следовало отводить оставшиеся силы на запасные, оборудованные для обороны позиции, ждать обязательного наката врага, и молиться о том, чтобы подкрепления в нужном количестве успели подойти. А тут ещё его вызывают в штаб полка. Понятно, зачем вызывают, виноватых ищут.

– Разрешите, товарищ майор?

В блиндаж вошла молодая красивая женщина, одетая в камуфляжную форму. Лицо круглое, в задорных веснушках, глаза большие, карие, с поволокой, волосы золотые – между русым и рыжим, – ладная, крепенькая, как молодильное яблочко. Многие в бате на неё заглядывались, но она оста-

валась неприступной, но ко всем доброжелательной и весёлой. Талисман бата – Надя Сладкова. Для своих добрая, а для врагов – беспощадная. Снайпер, на счету которого было ровно 13 вражьих душ. Позывной – Кареглазка.

– А, Надя, заходи, – сказал Токарев, а сам подумал, что повезло, что хотя бы ей удалось выжить в огненном шторме – одной из немногих, точнее, выжила она и её напарница, а вот другим снайперам не посчастливилось – либо 200, либо тяжёлые 300.

– Вызывали?

– Да, собирайся, поедem в штаб.

– Зачем?

– Вызывают на ковёр.

– А я там зачем? – удивилась Кареглазка.

– Будешь как свидетель.

– Свидетель чего?

– Сама знаешь, чего. Не задавай ты глупых вопросов, – немного раздражённо ответил комбат.

В этот момент в блиндаж вошёл ещё один солдат, которого вызывал Токарев, им оказался Зомбо.

– Здравия желаю, товарищ майор! – поприветствовал своего командира Зомбо.

– Проходи. Илья, поедешь с нами в штаб. На тебя награда пришла.

– Есть! – отрапортовал Зомбо, которого в миру звали Илья Сытов, а сам подумал, что это, должно быть, за тот слу-

чай, когда пришлось отход своего отряда в одиночку прикрывать.

– Товарищ майор, но меня-то награждать не собираются. Зачем я вам там? – не успокаивалась Кареглазка.

– Сладкова, это приказ. Сказал же, поедешь – значит поедешь.

Кареглазка демонстративно пожала плечами. Комбат заметил и сказал:

– И нечего плечами пожимать. Кругом, иди, собирайся.

Странно, – подумал Зомбо, – для чего она ему в штабе понадобилась. Разве что Токарев прикрыться хотел, вот поэтому знаменитого свидетеля (о Кареглазке всему фронту было известно) нашего разгрома и тащил, чтобы на психологии поиграть. Но такие штуки были не в характере комбата. Хотя большие потрясения, а тем паче поражения меняют людей. Но всё равно странно.

– Так, а ты чего ждешь? – спросил комбат Зомбо. – Шагом марш!

В штаб полка ехали на добротном ББМ на базе КАМАЗА, можно сказать, редком звере в тех краях: Токарев – в кабине; Зомбо с Кареглазкой – в кузове. Зомбо с симпатичной снайпершей, естественно, разговорились. Тем более Кареглазка в этот раз была не против лёгкого кокетства, с самого начала поездки строила глазки герою, которого, по слухам, ждал орден. Да, женщины они такие – падкие на славу – и это не плохо, во всяком случае, намного лучше, чем на банальные

деньги слюни пускать.

– Илья... можно я тебя по имени буду называть? – спросила Кареглазка. Конечно, милая, всё что хочешь для тебя, – воскликнул про себя Зомбо. Вот бы мне такую! Но нет, староват я для неё. Это же чудо какое, так бы и смотрел на неё часами. А она продолжила: – Не люблю позывные. Знаешь, ну что это, когда человека по позывному. А у тебя позывной – «Зомбо» – ну что это? Мне и мой не нравится, какой-то... не то чтобы не красивый, а однобокий какой-то. Кстати, давно хотела спросить: почему Зомбо-то?

– Ка... – он хотел её назвать так, как и все у них её называли, Кареглазкой, но осёкся, ведь она только что сказала, что не любит позывных. – Надя, ну, мне его ребята ещё на боевом слаживании дали, когда увидели, как я по утрам хожу. У меня колени больные, мне, чтобы нормально ходить, нужно расходиться немного. Говорят, со стороны похоже на зомби. Но я же не зомби, поэтому поменял одну букву – так, мне кажется, не так серьёзно всё.

– Да уж, не серьёзно... Илюша, вот ты за медалью в штаб едешь, да? Да, за медалью, понятно. А меня зачем командир тащит, ты не знаешь?

«А действительно, зачем?» – подумал Зомбо.

– Не знаю, наверное, чтобы не так сильно ругали, – пошутил Зомбо и улыбнулся. А Кареглазка за шутку его слова не приняла, схватилась за них:

– Вот-вот, и я так думаю. Прикрыться хочет. Комбат у нас...

– Что – комбат? – Кареглазка так странно сказала про их командира, дав изменившейся интонацией голоса такой толстый намёк, что Зомбо никак не мог на него не отреагировать.

– Да ничего, это только моё. – Она тяжело вздохнула. – Мне с этим жить. Так значит, тебе награда положена, герой? – попыталась перевести разговор на другую тему Кареглазка, но Зомбо так просто было не свернуть, упрямым он был по жизни, а на войне его упрямство стало не второй, а первой натурой.

– Крутой нрав у нашего командира. Ты права, порой с ним тяжело. Но мужик он стойкий, далеко не дурак.

– Да я не об этом. Конечно, он храбрый, опытный, но люди на войне устают, незаметно для самого себя меняются, начинают верить в свою значимость, и их личную обиду, чей-то отказ, они воспринимают как оскорбление, да, Илюша?

– Ну да, бывает. Только я не совсем понимаю...

– Да не важно, это я о своём, бабьем, не слушай. Очень уж мне в штаб ехать не хочется, вот и выдумываю разное. Сердце щемит.

– Не беспокойся, Надя, ты же у нас одна из снайперов осталась. Комбата на допрос вызвали, правильно? Ну и нас тоже будут спрашивать – беседовать, как говорят в контрразведке. Протокол. Мы же всё своими глазами видели, участ-

вовали в событиях.

– Да что мы такого видели-то? Накрыло – и всё.

– Да, конечно, но всё же... – что «всё же» Зомбо придумать не мог, но их ББМ взяла вправо, поехала медленнее, в раскачку, что означало, что они съехали на просёлочную дорогу. Вскоре машина остановилась – пора на выход.

Полковник Валентин Иванович Бугров стоял у стола, в своём кабинете, а рядом с ним, около кресла, находился его заместитель – подполковник Орешкин Семён Викторович. Кабинет был ярко освещён, как, впрочем, и все помещения командного бункера. Спартанская обстановка – стол, два кресла, два стула, два компьютерных монитора, маленький кофейный столик, шкаф; из роскоши – личная ванная комната, совмещённая с туалетом.

– Семён Викторович, необходимость посещения вами резерва отпала.

– Но как же, товарищ полковник, инспекция стоит у нас в плане.

– После провала штурма Гурьяново, у нас есть более важные задачи.

– Всё же, думаю, именно в данных условиях нам очень важно будет убедиться в том, что резервные батальоны готовы вступить в бой.

– Наша главная задача – это организованный отвод разбитых врагом батальонов на запасные позиции и, прежде всего, руководство ими, недопущение продолжения катастрофы на передовой.

– Я готов выехать в резервные батальоны, чтобы взять управление по организации прикрытия отхода на себя.

– Вы мне нужны здесь.

– Мне кажется...

– Всё! Семён Викторович, вы останетесь при штабе, там, – полковник показал пальцем на потолок, – хватает опытных командиров.

– Слушаюсь, – Орешкин, сверкнув орлиным гордым взглядом, вытянулся в струнку. И так высокий, поджарый, теперь он казался просто верзилой, нависающим над коренастым, короткошеим, обременённым крепким пузцом командиром полка, который, по сравнению с ним, казался боевым гномом с лицом цвета битого кирпича.

– Хорошо. Идите в зал управления, я через минуту приду.

Орешкин чётко, идеально заученно повернулся всем корпусом и вышел за дверь. Полковник остался один на один со своими мыслями. Бугров командовал войсковым соединением, ударной группой, которой обычно, учитывая масштаб задачи и общее количество войск, приданных для выполнения этой задачи, полагалось командовать чину не ниже генеральского. Но Бугрову командование доверяло, справедливо его считая, талантливым полководцем – решительным, умным (где-то даже хитрым, недаром враги называли его Лисом), умеющим выполнять приказы обдуманно, берегущим жизни солдат, решать боевые задачи не кровью, а умением и не в ущерб общей эффективности. А тут такой провал! Первый раз в карьере полковника его батальоны понесли такие потери. Теперь он понимал, что означало расхожее выражение

«горечь поражение». Но не страх за свою шкуру, и не груз ответственности за провальное наступление тревожили его в первую очередь, а намного сильнее его тревожил вопрос: как такое вообще могло случиться? Почему? – но не из пустого самобичевания полковник задавал себе подобные вопросы, а для того, чтобы выработать решения, которые могли хоть как-то компенсировать поражение, не дать неприятелю развить успех, прорвать фронт.

3

Вход в бункер был замаскирован с обратной стороны холма, фронтально смотрящего на линию боевого соприкосновения. БМ КАМАЗ припарковали под навесом (даже скорее не просто навесом, а целым инженерным сооружением – типа защищённого самолётного ангара, который не возьмёт ни БПЛ, ни снаряд, который сверху выглядел тоже как лесная шишка, небольшая возвышенность), в трехстах метров от холма, а оттуда пешком до дверей. Часть холма, вместе с травой и слоем грунта отъехала в сторону, открыв проход в низ. По бетонной лестнице, по которой могли спуститься, выстроившись в ряд, четыре бойца в полной боевой выкладке, майор Токарев, Зомбо, Кареглазка и охранение из пяти бойцов начали спуск в недра заглублённого КП. Бункер состоял из трёх уровней. Первый уровень – на глубине 10 метров, – сверху защищала не просто земля, а целая инженерная конструкция, состоящая из бетонных перекрытий, перегородок из дерева и стали, ячейки, заполненные специальным наполнителем, и которая могла выдержать удар тактической ракеты. Бункер создавался по последнему слову военной науки, был передовым сооружением своего времени, напичканным самым современным оборудованием, защищённым по наивысшему классу. На первом уровне располагались дублирующие системы жизнеобеспечения, запас-

ной сервер. На втором уровне – основном – собственно, жил сам командный пункт с залом управления, комнатами отдыха, казармой, системами внешнего и внутреннего наблюдения, генеральным сервером. Также на втором уровне, в отдельном крыле базировалась контрразведка полка – у них были свои экраны, свои системы и прочее. В зале управления круглосуточно находились, трудились в три смены, десять офицеров-операторов, следящие через камеры беспилотников за полем боя 24/7. Каждый оператор имел в своём распоряжении компьютер, с помощью которого мог подключаться к любому беспилотному аппарату в зоне его ответственности, корректировать действия подразделений, давать целеуказания арте, вести разведку. По необходимости на главный экран зала, который занимал всё стену, выводилась приоритетная в данный момент картинка, ориентируясь по ней, командир полка давал свои указания. Впереди – экран, а перед ним – ряды столов, за которыми сидели операторы. Сама собой напрашивалась аналогия – класс и доска, как в школе, а вместо учителя – командир полка. Но были и отличия: перед этой доской-экраном было сделано возвышение, на котором смонтировали кресло для зама полковника – кресло контроля и параллельного управления – последняя разработка ВПК в системах непосредственного управления войсками в режиме реального времени. Находясь в кресле, человек погружался в удалённую реальность боя. На голову ему автомат кресла подавал шлем на гибком соедине-

нии, под руки вставляли подлокотники с пультами управления, под ступни подъезжали педали, на глаза падало забралло экрана – и глава операторов оказывался в выстраиваемом умной машиной пространстве, где он мог отдавать приказы, а при необходимости брать управление любым БПЛ на себя, да и не только БПЛ, если в боевой машине был предусмотрен дополнительный модуль управления, – а в последнее время таких машин становилось всё больше, – он мог заменить собой экипаж по какой-либо причине покинувший или неспособный продолжать бой. Глава операторов мог в одиночку отправлять на штурм бронированных монстров, вести огонь, прикрывать штурмовиков. Даже горящая машина, в которой уже не могли работать живые люди, могла быть использована для продолжения боевых действий. Орешкин овладел искусством управления боем по средствам кресла в совершенстве. Он успевал и операторов контролировать, и страховать подчинённых, и управлять отдельными боевыми единицами. Записи его действий регулярно передавались наверх, чтобы на их основе разрабатывались положения эффективного использования командованием управляющих кресел непосредственно в войсках, ведущих активные боевые действия.

На третьем уровне – машинное отделение, резервуары с водой, продуктовый склад, системы очистки, запасные помещения для отдыха.

Когда группа Токарева спустилась на второй уровень и перед ними открыли две бронированных двери – одну внеш-

нюю, другую в конце камеры перехода, — они вошли в хорошо освещённый коридор. Через каждые несколько метров в коридоре стояли защитные щиты — бронированные и обитые противоосколочной тканью, отчего казались пухлыми дверными полотнами, — со смотровыми окошками и амбразурами, за каждым из которых стоял солдат с ручным пулемётом. Потом коридор поворачивал, ещё один щит — и защитные порядки заканчивались, группа вошла в святая святых бункера. От кишки коридора, ведущей от входной камеры, тремя лучами расходились коридоры, уходящие вглубь бункера как довольно широкие дороги — такие, что толкаться плечами не приходилось. Группу Токарева встретил дежурный офицер, поздоровавшись, он их отвёл в командный сектор, где были кабинеты командира полка, его зама и руководителя контрразведки — майора Сергея Чекалина. В небольшом предбаннике дежурный их оставил — Зомбо, Токарева, Кареглазку, — а охранение отправил в комнату отдыха, — сказав, что вызовет, когда полковник освободится. В предбаннике стоял диван и пара стульев. На диване сидел майор Стрелков, который прибыл раньше их. Со Стрелковым Токарев обнялся, остальные крепко поручкались, перекинулись приветственными, дежурными фразами и замолчали, не хотелось ни о чём говорить, чувствовалось напряжение, ожидание чего-то не очень доброго. Ребята расположились с комфортом для тела, но душа ныла, беря тело за горло немым комком, дёргая пульсом зубы.

Пока люди Токарева волновались, ожидая аудиенции, в кабинете Бугрова проходило совещание, инициированное разведчиком Чекалиным. Чекалин был худым, ростом не вышел, – едва дорос до 173 сантиметров, – но чувствовалось в нём несгибаемая сила, внутренний стальной стержень. В общем-то ничем непримечательный с виду, кроме серых буравчиков глаз, которые – вот как сейчас, – пробуждались из мутного маскировочного забытья, становясь бритвами, режущими человека до сути, избавляющими от фальшивой кожи, чтобы настоящая плоть вылезла красным живым или чёрным, гнилым, мёртвым на белый свет. Он не был никогда ни добрым, ни великодушным, но и злым, немотивированно жестоким тоже не был, а вот злобный – это про него, ледяной и злобный, не прощающий себе, не прощающий другим, но, по делу, бывающий пугающе обаятельным.

– Сергей, что выяснил? – спросил Орешкин у Чекалина. Подполковник был старше и по званию, и по возрасту майора, поэтому, испытывая к нему симпатию, о которой не раз упоминал, обращаться к нему предпочитал по имени.

– Что же, докладываю, три батальона разбиты, от них мало что осталось, да вы и сами это прекрасно знаете.

– Знаем. Что дальше, майор? – поторопил Чекалина полковник. Он, в отличие от подполковника, с подчинёнными

предпочитал себя держать строже, соблюдал расстояние.

– Это не первый раз, когда были накрыты наши штурмовые подразделения. В этот раз у противника вышло масштабно, потому что он знал, куда точно бить на довольно широкой полосе фронта. Что-то подобное уже случилось месяц назад, когда две роты южного батальона попали под огневое воздействие – потери до 80% личного состава.

– Хочешь сказать, что это не просто разведка противника сработала, а свой кто-то наводил, изнутри? – Полковник и сам об этом думал. А как по другому-то, если так ювелирно враг сработал?

– Неприятная правда лучше успокаивающей лжи. У нас завёлся крот, червь.

– Где? – спросил Орешкин. – Я имею в виду, не в штабе же?

– А вот это неизвестно. Нужно допросить комбатов, выяснить детали, а потом делать выводы, – объяснил Чекалин.

– Допросить? – подполковник сомневался. Ему не очень понравилось это слово, произнесённое таким безапелляционным, как будто судья читал приговор, тоном.

– Да, допросить. Здесь дело серьёзное, и они должны это понимать.

– Хорошо. Не перегибая, – решил Бугров.

5

Первым в кабинет Бугрова на разговор вызвали Стрелкова.

– Майор, ваш батальон смог продвинуться по фронту. Вы даже заняли первую полосу обороны врага, – сказал полковник. Он не спрашивал, он утверждал, ожидая, что майор сам выскажется и не прогадал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.